

ной службы при президенте РФ) и С.А. Степанов (Российский университет дружбы народов) и кандидаты исторических наук С.В. Куликов (Санкт-Петербургский институт истории РАН) и Д.И. Рублёв (Московский государственный университет приборостроения).

Сергей Степанов: Культ смерти

Монография Григория Кана «Наталья Климова. Жизнь и борьба» принадлежит к жанру исторических биографий. Подзаголовок настраивает на мысль, что она посвящена борцу с самодержавием. И действительно, в давние времена книга могла бы выйти в серии «Пламенные революционеры» или «Герои освободительной борьбы». Но сочинения о пламенных революционерах сейчас не популярны, а о революционерах-террористах тем более. Между тем автор пишет о милой и обаятельной барышне, ставшей соучастницей самого кровавого террористического акта в дореволюционной истории России. Проблема террора весьма злободневна. Терроризм стал бичом нашей эпохи, сообщениями о взрывах и убийствах пестрят все новостные ленты. С терроризмом ведут ожесточённую, но пока безуспешную борьбу. Видимо, чтобы одолеть террор, надо чётко осознать его побудительные мотивы. В этом смысле книга Григория Кана весьма актуальна и ставит вопросы, далеко выходящие за её тематические и хронологические рамки. В центре внимания автора – отдельно взятый человек, через судьбу которого показано целое явление.

Сразу следует подчеркнуть, что книга Г.С. Кана является добротным научным исследованием. Автор привлёк широкий круг источников, включая архивные материалы. Каждое утверждение обосновано, на каждый факт даны соответствующие ссылки. Быть может, коллеги по дискуссии окажутся более внимательными и найдут фактические неточности, однако мне таковых обнаружить не удалось. К достоинствам работы следует отнести скрупулёзность автора даже во второстепенных в общем-то вопросах. Например, он обратился к архиву Высших естественнонаучных курсов М.А. Лохвицкой-Скалон в Петербурге и внёс некоторые поправки в те сведения об учёбе Климовой, которые приводит её сокурсница А.М. Маркова. Работа написана хорошим литературным языком, что в сочетании с научной достоверностью делает её особенно ценной.

Читателя, взявшего в руки книгу о террористке, не может не заинтересовать вопрос о том, что привело её в террор. Отец террористки С.С. Климов писал председателю военно-окружного суда, что его дочь была мягкой по характеру, но чересчур увлекающейся девушкой. Она пережила увлечение вегетарианством и толстовством: «Года два она вела жизнь вегетарианки, и вела себя как простая работница, не позволяя прислуге помогать себе ни в стирке белья, ни в уборке комнаты, ни в мытье полов»². Родители плохо знают своих детей, и отец не мог объяснить, как от заповеди «не убий» по отношению ко всему живому его дочь перешла к террору.

Григорий Кан также не даёт исчерпывающего ответа на данный вопрос. Вероятно, однозначного ответа вообще не существует. Можно только догадываться, что свою роль сыграли личные качества Натальи Климовой. Сейчас

² Взрыв на Аптекарском острове (Дело Климовой и Терентьевой о покушении на Столыпина) // Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 225.

бы мы сказали, что она была «адреналиновой наркоманкой», наслаждавшейся ощущением опасности. Опираясь на свидетельства знакомых и родственников, знавших Климову с детства, автор подчёркивает: «Уже в подростковом возрасте у неё ярко проявлялись такие черты, как смелость, отвага, тяга постоянно испытывать себя. Девочка словно наслаждалась опасностью, бравировала бесстрашием» (с. 15).

Нельзя сказать, что у Натальи Климовой сложилось сколько-нибудь цельное мировоззрение. Автор отмечает, что с определённого момента взгляды Толстого утратили для неё свою притягательность. Кумиром Климовой становится Фридрих Ницше. Об увлечении марксистской доктриной ничего неизвестно, но одно время Климова была близка к социал-демократам. Вскоре она оказалась среди социалистов-революционеров, причём примкнула к самому радикальному крылу, представленному так называемой «московской оппозицией». Излагая биографию Климовой, автор попутно осветил новые нюансы истории «московской оппозиции». Московский комитет партии социалистов-революционеров состоял из людей, связанных родственными и дружескими узами: А.Р. Гоц – племянник «чайного короля» Давида Высоцкого, И.И. Фондаминский – муж племянницы чаеоторговца, А.Д. Высоцкий – его сын. По свидетельству современников, «чайный король» ненавидел царский режим и давал «уйму денег» партии эсеров. Таким образом, с одной стороны, эсеры участвовали в экспроприациях, а с другой стороны, получали необходимые на партийные нужды средства в конторах сочувствовавшего им миллионера. Картина колоритная, но вовсе не уникальная. Достаточно вспомнить Савву Морозова, финансировавшего издание «Искры». Политика Московского комитета партии эсеров вызывала недовольство рядовых членов. Они утверждали, что комитет не считается с периферией, в революционном органе господствует кумовство и nepoтизм и даже оружие распределяется лишь по знакомству и личным связям. В марте 1906 г. «московская оппозиция» оформилась в самостоятельный Союз эсеров-максималистов, лидеры которого провозглашали: «Мы хотим дать колесу истории максимальный размах» (с. 40).

Трудно понять психологию террористов без учёта моральной поддержки, которую оказывала им значительная часть русского общества. Терроризм стал своего рода модой. Это проявлялось даже на бытовом уровне. В 1905–1907 гг. скаковых лошадей часто называли «Террор», «Радикал», «Заговорщик» и «Провокатор». Самой же популярной лошадиной кличкой была «Бомба»³. Гибель ненавистных царских сатрапов вызывала радость и ликование. С.Я. Елпатьевский сообщал о реакции отдохавших в Ялте на известие об убийстве министра внутренних дел В.К. Плеве: «С весёлыми лицами, с радостными улыбками передавали его друг другу люди, которых раньше я считал далёкими от политики»⁴. Террористические акты становились предметом шуток. Когда бомба разорвала великого князя Сергея Александровича, москвичи зубоскалили, что он «впервые в жизни пораскинул мозгами». На убийство в Саратове генерала В.В. Сахарова один из сатирических журналов откликнулся сообщением: «Саратовская губерния объявлена неблагополучной по диабету (сахарная болезнь). Там уже наблюдался один смертный случай»⁵.

³ Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начал XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 62.

⁴ Елпатьевский С. Из воспоминаний // Красная новь. 1928. № 8. С. 199.

⁵ Зритель. 1905. № 24. С. 8.

Террористы воспринимались как герои и народные мстители. По свидетельству матери террориста Степана Балмашева, застрелившего министра внутренних дел Д.С. Сипягина, её родной город «принял весть об убийстве Сипягина с радостью». Жители устроили настоящее паломничество в дом семьи боевика, и каждый стремился выразить восхищение родителям столь выдающегося юноши. Отец террориста Егора Созонова, убившего В.К. Плеве, вспоминал, что ехал на поезде и опасался, не расправятся ли с ним пассажиры, если узнают, кто он такой. Однако всё вышло с точностью наоборот: скромные попутчики приходили просто взглянуть на отца террориста, более смелые поздравляли его, жали руку, а некий офицер с друзьями даже пил за его здоровье⁶. Сочувствовали не только представители интеллигенции, традиционно оппозиционные властям, террор находил отклик даже в патриархальных слоях общества. В одной деревне при обыске был обнаружен портрет эсерки Маруси Спиридоновой, смертельно ранившей чиновника, которого обвиняли в жестоким подавлении крестьянских выступлений. Портрет террористки находился в киоте, перед которым горела лампадка.

В книге Григория Кана нет серьёзного анализа той острой полемики о допустимости и целесообразности террора, которая велась в революционных кругах. Автор склоняется к мысли, что его героиню не интересовала теория. Он указывает, что её привлекала бескомпромиссная боевая тактика максималистов, а также принадлежность к организации близких ей людей. Лидера максималистов М.И. Соколова («Медведя») и Наталью Климову связывали любовные отношения, что заставляет вспомнить знаменитую влюблённую пару Софью Перовскую и Андрея Желябова. Любовь и смерть – роскошный сюжет для романиста, но перед нами серьёзное историческое исследование, автор которого лишь мельком касается любовной темы.

Впрочем, реальная жизнь подбрасывает сюжеты, превосходящие буйную фантазию любого романиста. Боевая организация максималистов не сразу определилась с жертвой. Сначала максималисты собирались взорвать Государственный совет, членом которого являлся отец Натальи Климовой. Затем они остановили свой выбор на П.А. Столыпине. И опять-таки парадоксальный факт – отец Климовой был членом партии октябристов, которые на тот момент составляли главную опору премьер-министра. Конфликт отцов и детей, тем более впечатляющий, что Климова, в отличие от Софьи Перовской, порвавшей с семьёй, обожала своего отца.

Поскольку Григорий Кан написал биографию террористки, то он поневоле освещает события в основном с одной стороны баррикад. Как автор исследований о Столыпине, возьму на себя смелость добавить ряд штрихов, рисующих картину с другой стороны. Буквально за несколько дней до покушения максималистов корреспондент лондонской газеты «Tribune» посетил дачу премьер-министра: «Скромная дача, окружённая огромным садом, невинно уютится на берегу прекрасной Невы, на Аптекарском острове, и за исключением нескольких рослых городских, стоящих по одному снаружи сада и против входной двери в дачу, ничто не напоминало о том, что в этом доме живёт человек, жизнь которого ни одно страховое общество не согласилось

⁶ См.: *Носков М.А.* Российский терроризм начала XX века в восприятии общества. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 238.

бы застраховать»⁷. В те годы царские сановники жили на волоске от смерти. А.А. Игнатъев, сын убитого террористами государственного деятеля, вспоминал: «Что ни день, надевай мундир с траурной повязкой и поезжай на панихиду то по тому, то по другому генералу или сановнику»⁸. Объективности ради следует отметить, что власть зачастую сама подталкивала своих противников на террор, последовательно перекрывая легальные каналы протеста, будь то манифестации отчаявшихся рабочих к Зимнему дворцу или свободные выборы. Августовское покушение было своеобразным ответом на разгон I Государственной думы в июле 1906 г.

Террористический акт на Аптекарском острове ужаснул современников количеством бессмысленных жертв. Максималисты установили печальный рекорд – 29 человек, в основном посетители дачи, прислуга, рабочие. Столыпин, к счастью, остался цел и невредим. Его сын Аркадий впоследствии возмущался, что советские авторы писали о фабричных работниках, «с большим трудом» добившихся приёма у премьер-министра: «Можно подумать, что речь идет о приеме у Косыгина, Андропова или иного представителя “народной” власти. Помню с детства (отмечено это и у ряда свидетелей того времени): мой отец настоял, чтобы его субботние приёмные дни были доступны для всех»⁹. Среди погибших была просительница на восьмом месяце беременности. Другая – вдова Истомина – пришла ходатайствовать о пособии и привела пятилетнего сына. После взрыва руку ребенка обнаружили в саду за оранжереей. Серьёзно пострадали и дети Столыпина.

Максималистов не смутили страдания детей, тем более детей царского министра. Уже после покушения один из теоретиков максимализма опубликовал брошюру под зловещим названием «Очистка человечества», в которой доказывалось, что представители власти являются хищнической расой, сочетающей худшие признаки горилл и орангутангов. Задача террористов – «лучших альтруистов» – состоит в том, чтобы как можно скорее очистить человечество от звероподобных дегенератов. Большинство детей эксплуататоров и угнетателей обречены проявлять те же злобу, жестокость, жадность и ненасытность, что и их родители, и, соответственно, не заслуживают жалости¹⁰. Лидер максималистов Соколов говорил про взрыв на Аптекарском острове: «Каменную глыбу взрывают динамитом»¹¹. Жалея о товарищах, он заявлял, что охранников «стоило перестрелять каждого в отдельности». Остальные его не интересовали вовсе (с. 50–51).

Какой была реакция Натальи Климовой на ужасающие последствия террористического акта? На следствии и суде она изложила максималистскую точку зрения, сдобренную нищенским высокомерием по отношению к толпе: «Хотя решение принести в жертву посторонних лиц далось нам после многих мучительных переживаний, однако, принимая во внимание все последствия преступной деятельности Столыпина, мы сочли это неизбежным»¹². Гораздо сложнее и противоречивее её «Письмо перед казнью», написанное в ожидании

⁷ Утешительные перспективы. Беседа с г. Столыпиным корреспондента Tribune // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 464.

⁸ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1955. С. 406.

⁹ Столыпин А.П. Крохи правды в бочке лжи // Посев. 1999. № 3–4.

¹⁰ Павлов И. Очистка человечества, М., 1907. С. 9.

¹¹ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 184–185.

¹² Взрыв на Аптекарском острове... С. 223.

суда. Документ получил широкую известность, и автор биографии Климовой, разумеется, не мог пройти мимо него. Хотелось бы подчеркнуть, что письма перед казнью представляли собой особый жанр агитационной литературы, требующий тщательного критического анализа. Известный деятель политического сыска А.И. Спиридович утверждал, что большинство подобных документов являются плодом коллективного творчества: «Сколько таких писем и речей казнённых революционеров, которых они никогда не писали и не произносили, выдаются за подлинные»¹³. В случае с письмом Натальи Климовой сомнений в авторстве нет, однако даже при его первой публикации обнаруживается некая тенденциозность. Переправленное на волю из камеры Петропавловской крепости письмо было опубликовано в журнале «Образование» с купюрами, вызвавшими недовольство Климовой. Письму был придан стройный и цельный вид, хотя в оригинале оно, по словам самой Климовой, представляло малый и бледный росток.

В тюремном письме Климова констатировала, что «смерть из далёкого, туманного будущего превратилась в вопрос нескольких дней и вырисовывается очень ясно, в виде плотно натянутой веревки вокруг шеи». Будучи материалисткой, она не питала надежд на загробную жизнь: «Если материи моего тела заблагорассудится превратиться в зелёную траву весны 1907 г., а энергии – в электричество, освещающее кабинет Столыпина, то какое мне до этого дела». Находясь в тюрьме, она преодолела страх смерти и ощутила «всепоглощающее чувство какой-то внутренней особенной свободы» (с. 217–219).

Как видим, в письме нашёл выражение культ смерти, характерный для террористов. Можно обратиться к воспоминаниям А.Ф. Керенского, который в период первой русской революции пытался вступить в Боевую организацию эсеров. Её глава Е.Ф. Азеф решил, что красноречивый адвокат не годится на роль боевика¹⁴. Однако характерно, что Керенский, материально преуспевающий человек, счастливо женившийся и ставший отцом, стремился принять участие в громком террористическом акте и красиво уйти из жизни.

В связи с этим нелишне напомнить политические последствия взрывов на Аптекарском острове. Через неделю было принято «Положение о военно-полевых судах». Вопреки укоренившемуся мнению, П.А. Столыпин не был инициатором этой меры. В.И. Гурко вспоминал, как во время заседания Совета министров курьер передал Столыпину записку Николая II с требованием немедленно учредить военно-полевые суды для вынесения приговоров по законам военного времени: «Впечатление, произведённое этой запиской, было огромное. Мера эта в ту минуту, очевидно, не совпадала с намерениями Столыпина, всё ещё мечтавшего справиться с революцией мерами конституционными»¹⁵. Налицо трагическое непонимание высшими кругами мотивов, которыми руководствовались террористы. Как можно было запугать виселицей людей, которые жаждали взойти на эшафот? Кстати, подобное заблуждение перекочевало и в наше время. Ужесточение репрессий, возвращение смертной казни воспринимается

¹³ Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 122.

¹⁴ Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012 г. С. 30.

¹⁵ См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 587.

как панацея от террористической угрозы. Сомнительно, чтобы казнь остановила людей, взрывающих на себе пояса смертников.

История не знает сослагательного наклонения. Но всё же можно предположить, что раздели Климова участь лидера максималистов Соколова, повешенного на Лисьем Носу, она запомнилась бы исключительно фанатичной террористкой. Но вынесенный Климовой смертный приговор был заменён бессрочной каторгой. Она прожила короткую, но очень насыщенную жизнь, в которой были поразительные эпизоды: дерзкий групповой побег из тюрьмы, путешествие на верблюдах по пустыне Гоби и так далее. Головокружительные приключения сменялись спокойными и размеренными периодами эмиграции в Швейцарии и Франции. Климова пережила мировоззренческий кризис, пересмотрела то безразличие к жертвам террора, которое культивировалось среди максималистов. Григорий Кан предполагает, что стремление Натальи Климовой родить детей было косвенно связано с желанием загладить своё участие в кровавом покушении, дать новую жизнь взамен отнятой по её вине.

При чтении книги Григория Кана складывается впечатление, что автор вольно или невольно проникся симпатией к своей героине. Характерно, что он называет её не Натальей Климовой, а более фамильярно – Наташей. По его словам, перед обаянием Наташи не могли устоять не только соратники по борьбе с самодержавием, но даже жандармы – вплоть до начальника Петербургского охранного отделения: «Наташа, судя по многочисленным отзывам современников, была чрезвычайно обаятельной и привлекательной девушкой... И враги-жандармы, не исключая и самого Герасимова, готовы были сделать ей послабления, немыслимые для других заключённых» (с. 63).

Наверное, кто-то из читателей согласится, что Наталья Климова была неординарной личностью. Кто-то скажет, что её таланты и энергия послужили злему делу. Но равнодушные при чтении книги вряд ли найдутся. Автор не навязывает свою точку зрения. Характерно, что авторский текст занимает чуть больше половины книги. Другая половина – это приложение, в котором приводятся документы: личные письма, литературные произведения, дневники и воспоминания. Таким образом, автор даёт возможность каждому сделать свой собственный вывод о жизни и борьбе Натальи Климовой.

Дмитрий Рублёв: Для Климовой идеология максимализма не была чем-то существенным

Жизнь Натальи Сергеевны Климовой своей необычностью, драматизмом и насыщенностью событиями привлекала внимание мемуаристов, писателей, философов. Её жизненный путь стал сюжетом для произведений М.А. Осоргина и В.Т. Шаламова. Написанное Н. Климовой «Письмо перед казнью» вызвало интерес у выдающихся представителей русской общественной мысли – Л.Н. Толстого, С.Л. Франка, А.С. Изгоева. Между тем исследований, в которых рассматривается жизнь и деятельность Н.С. Климовой, её роль в эсеровском движении России начала XX в., совсем немного. Кроме энциклопедических статей¹⁶, единственная научная биография Натальи Сергеевны, написанная М. Мабийяр,

¹⁶ См., например: Павлов Д.Б. Климова // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 254.